

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР СЕКТОРА ЭТИКИ

19 октября 2017 – 15:45

☞

Прокофьев Андрей Вячеславович

Фрэнсис Хатчесон о возможности моральной добродетели за пределами доброжелательности

Тезисы доклада

В рамках того образа морали, который сложился в западной этической традиции в последние два столетия, моральные ценности ориентируют деятеля преимущественно на благо другого человека (других людей), а не на его собственное благо. Вместе с тем, в истории этической мысли и моральных убеждений длительное время это содержание выступало лишь как одна часть этических или моральных нормативных ориентиров. Наряду с ней в качестве не менее значимых рассматривались такие требования, которые разграничивают морально допустимое и недопустимое поведение в сфере поступков, не затрагивающих напрямую интерес другого человека.

Итак, первая часть нормативного содержания морали представлена а) запретом на причинение вреда (убийство, причинение физической боли и телесных повреждений, оскорбление личности, похищение собственности и т.д.), б) предписаниями относиться к другим людям честно, помогать им и заботиться о них. Суммируя различные теоретические реконструкции второй части морали, можно выделить следующие ее элементы: а) осуждение половых отношений не сопряженных с вредом другому человеку, но носящих гомосексуальный характер, не сопровождающихся романтической любовью или имеющих место вне в той формы брака, которая признана законной, б) осуждение различного рода излишеств и аддиктивного поведения вне сексуальной сферы (обжорства, пьянства, употребления наркотиков, пристрастия к азартным играм или ненужным приобретениям); в) осуждение проявлений скупости без учета их влияния на способность деятеля к благодеянию; в) осуждение проявлений трусости вне зависимости от того, возникают ли они в ходе защиты другого человека; г) осуждение проявлений лживости вне их возможных негативных последствий для обманутых людей; д) осуждение суицида, е) осуждение различных форм неблагочестивого поведения. Общий нормативный контекст, в котором эти негативные оценки получали свое обоснование, мог быть разным: 1) потеря собственного достоинства, 2) лишение себя возможности вести полноценную человеческую жизнь или 3) пренебрежение правами Создателя в отношении своих творений.

II

Одной из устойчивых форм закрепления неоднородности нормативного содержания морали традиционно являлась тройственная классификация нравственных обязанностей (перед Богом, перед собой, перед другими людьми). Яркими проявлениями постепенного сужения пространства моральных требований были кантовская двухчастная классификация обязанностей (перед собой и перед другими) и критика кантовского понимания обязанностей

перед собой Дж.С. Миллем. Именно Милль в трактате «О свободе» отчетливо провозгласил тождество морали и особого (исключающего причинение вреда) отношения к другому человеку. Недостатки характера и отдельные действия, касающиеся самого индивидуума, приобретают, по Миллю, моральное значение лишь в тех конкретных ситуациях, когда они одновременно затрагивают интересы кого-то еще (пример, мотовство, которое не позволяет моту содержать свою семью). Интересным промежуточным моментом в процессе маргинализации содержания морали, не связанного с благом другого, являлась нравственная философия Фрэнсиса Хатчесона.

Хатчесон неоднократно декларировал тождество морали и доброжелательности. Эта связь легко прослеживается на трех уровнях: уровне морального блага, уровне морального чувства и уровне моральной добродетели. Однако подчас в произведениях Хатчесона мы встречаем формулировки, которые ставят под вопрос упомянутое тождество. Наиболее ярким фрагментом такого рода является его комментарий к четырем кардинальным добродетелям. Обсуждая умеренность (воздержание) на примере религиозного аскета, он указывает на несколько факторов, без которых поведение аскета не могло бы считаться добродетелью. Среди них – способность воздержания обеспечивать *«послушание в отношении божества»* и *«делать нас более пригодными к служению богу или людям или к поискам истины»* (курсив мой – А.П.) Обсуждая на тот же предмет добродетель мужества, Хатчесон указывает на ее обязательную связь с *«защитой невинных»*, *«исправлением несправедливости»* и *«собственным интересом»* (курсив мой – А.П.) Соответственно, вырисовываются три как будто бы не тождественных доброжелательности основания добродетели: а) послушание и служение Богу, б) стремление к иным высшим ценностям (здесь – истине, но может быть и красоте), в) реализация специфических собственных интересов. Цель моего доклада показать, каким образом Хатчесон демонстрирует, что тождество добродетели и благожелательности не исчезает во всех этих случаях. По отношению ко всем якобы независимым от доброжелательности добродетелям Хатчесон проводит своего редукцию к доброжелательным переживаниям.

III

Что касается послушания и служения Богу, то Хатчесон прямо критикует любые попытки обосновать обязанности перед ним, опираясь на идею могущества Творца и его право собственности на свои творения. Право Бога на управление миром, а значит и на нравственное законодательство, обуславливается его бесконечной и беспристрастной благожелательностью, порождающей у людей как безличное уважение, так и глубоко индивидуализированную благодарность. Отсюда следует, что Бог не мог заповедать что-то такое, что не оказывало бы в конечном итоге благотворного эффекта на его творения. Если по внешней видимости заповедь не имеет такого эффекта, то или мы его не опознали, или перед нами не божественная заповедь. Эту логику Хатчесон разворачивает, обсуждая принцип «пассивного повиновения» властям. В итоге, поклонение Богу приобретает у Хатчесона отчетливо морализированные формы. Оно сосредоточено на формировании уважения, восхищения и благодарности в отношении благожелательного Бога у самого себя и на пробуждении тех же чувств у других людей. Примечательно, что внешние обязанности перед Богом в предложенном Хатчесоном описании не связаны с участием в культовой практике (даже в том в виде, в котором она присутствовала в шотландском пресвитерианстве).

IV

Разумную реализацию собственного интереса и непричинение вреда самому себе Хатчесон соединяет с благожелательной моралью на несколько иных основаниях, чем Миллем. Милль обсуждает лишь сугубо ситуативные совпадения вреда себе и вреда другим людям. Лишь они могут придать поступку, причиняющему вред самому деятелю, моральное значение. Хатчесон же рассматривает заботу о своем собственном интересе и причинение вреда самому себе как явления, которые всегда и постоянно сохраняют измерение, связанное с благожелательным отношением к другим людям. Однако это благожелательность не к конкретному другому, а к совокупности других (к обществу или человечеству). Во-первых, вред себе прямо уменьшает совокупное благо общества и человечества. Во-вторых, он уменьшает возможности человека оказывать «добрые услуги» другим людям. В «Системе моральной философии» Хатчесон провозглашает право общества или человечества в отношении своих членов, которое превращается в ряд совершенных и несовершенных индивидуальных обязанностей. Именно в этой рубрике он обосновывает запреты на суицид, нарушение супружеской верности, распутство, гомосексуальные половые связи, аборты и т.д.

V

Стремлению реализовать свои познавательные или художественные способности Хатчесон приписывает свойство «благородного». Отказ от реализации этих способностей, по его мнению, принижает человека. Однако, в конечном итоге, Хатчесон отказывается называть стремление познать мир и почувствовать его красоту добродетелью и не применяет в этом контексте слово «моральный». В данном случае одобрение обеспечивает не моральное чувство, а особое «чувство приличия и достоинства». Вместе с тем, именно в обсуждении моральной подоплеки нашего одобрения эстетической и познавательной деятельности Хатчесон предлагает иной, более сложный механизм редукции разных форм незаинтересованного одобрения и осуждения поступков к благожелательности.

Литература

Милль Дж.С. О свободе // О свободе: Антология западно-европейской классической либеральной мысли. М.: Наука, 1995. С. 357–358.

Кант И. Метафизика нравов // *Кант. И.* Соч.: В 8 т. Т. 6. М.: Чоро, 1994. С. 225–543.

Хатчесон Ф. Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели в двух трактатах // *Хатчесон Ф., Юм Д., Смит А.* Эстетика. М: Искусство, 1973. С. 41–262.

Hutcheson F. A System of Moral Philosophy in Three Books. Glasgow: R. and A. Foulis, 1755.

Heydt C. Self-Ownership and Moral Relations to Self in Early Modern Britain // *History of European Ideas.* 2014. Vol. 42. № 2. С. 222–242.

Denis L. Moral Self-Regard: Duties to Oneself in Kant's Moral Theory. N.Y.: Garland Publishing, 2001.